

ИСТОРИЯ

УДК 94 (497.1)

АВСТРО-СЕРБСКИЙ КОНФЛИКТ И РУССКОЕ ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ В ПЕРИОД ИЮЛЬСКОГО КРИЗИСА 1914 ГОДА (ПО МАТЕРИАЛАМ РУССКОЙ ПЕЧАТИ)

© 2009 г.

С.В. Ваганов

Нижегородский госуниверситет им. Н.И. Лобачевского

vestnik@unn.ru

Поступила в редакцию 11.02.2009

Рассматриваются две позиции относительно австро-сербского конфликта, сформировавшиеся в русском общественном мнении летом 1914 года, и динамика развития июльского кризиса. Сараевская трагедия и австрийские ультимативные требования к Сербии окончательно толкнули русское общественное мнение в сербскую сторону.

Ключевые слова: Сербия, июльский кризис, великосербская идея, австро-сербский конфликт.

Австро-сербский конфликт, развивавшийся с 1908 года и достигший своего пика летом 1914 года, вызывал острое беспокойство с русской стороны. Общественное мнение России активно откликалось на балканские события неоднозначными суждениями относительно перипетий сербского внешнеполитического курса. Вторая балканская война и противоречия с Габсбургской короной ярко продемонстрировали сложность однозначной оценки сербской великодержавной политики. Уже к 1913 году в России сформировалось мнение, что Сербия – это союзник и оплот русского влияния на Балканах, обладающий, однако, комплексом собственных великодержавных интересов, не всегда сочетающихся с мнением Петербурга. Подобная ситуация диктовала необходимость критичного подхода в оценках внешнеполитической деятельности Сербии.

События 1914 года привели к соотнесению Россией своих интересов с существованием независимого сербского государства и поддержке этого решения общественным мнением страны. Николай II, вступаясь за погрязшие права Сербии, говорил о «единой крови и вере» и «силе братских чувств русского народа к славянам» [1, с. 3] и опирался на широкую народную поддержку. Однако ещё год назад подобные панславянские тезисы вызывали значительную критику со стороны общественности. Следовательно, обострение австро-сербского конфликта потребовало выработки консолидированной, просербской позиции в России.

В зарубежной литературе есть мнение, что российская элита полагала, что её честь будет оскорблена, если она оставит своего сербского сателлита наедине с австро-венгерской угрозой. И ситуация международного конфликта приобрела этику дуэли, в которой дворянин защищает свою честь, не задумываясь о персональном риске [2, с. 274–275]. Или солидарно с отечественной историографией делают акцент на Германии, которая не оставила выбора России [3, с. 269].

В большинстве исследований, посвященных историческому выбору России в 1914 г., рассматриваются внешнеполитические аспекты. Акцент на выработке общественного мнения внутри страны ставится только в некоторых работах [1, 4, 5]. Между тем обращение к динамике оценок австро-сербского конфликта должно позволить уверенно говорить о причинах спада осторожно-критических замечаний относительно развития событий на Балканах и особенностях выстраивания просербской позиции в русском обществе.

Убийство наследника короны Габсбургов молодым сербским студентом стало неожиданностью, но вполне закономерной. В оценке самого преступления ведущее консервативное издание «Новое время» именовало его «безумным делом, которое совершил молодой экзальтированный фанатик» [6, 21 июня]. О личности террориста говорилось, что «юный анархист» австрийский подданный, и совершил преступление в Австро-Венгрии, и это её внутреннее дело [6, 21 июня].

Оценки значительно усложняются по мере развития ситуации, вылившейся в волну сербских погромов и антисербскую кампанию в прессе. Мнение редакции «Нового времени» категорично: «Убийство – преступление. А не подвиг. Но это становится поводом для преднамеренного убийства целой нации» [6, 19 июня]. Газета сразу занимает жесткую просербскую позицию.

Наравне с перепечатками из австрийских и германских газет представляется слово сербской дипломатии: «Неосновательно обвинять во всём случившемся весь сербский народ и натравливать на него общественное мнение. Уже не раз приходилось видеть кампании против Сербии – все обвинения ничем не заканчивались» [6, 18 июня]. Таким образом, в правом лагере фигурировали следующие черты при характеристике складывающейся ситуации: во-первых, неадекватность политики австро-венгерского правительства, стремящегося обвинить в преступлении не отдельных личностей, а целый народ. Во-вторых, проблема обозначалась как внутренняя для Габсбургской монархии, подчёркивалась непричастность к ней Сербского государства и, тем более, России. В-третьих, закономерность провокационного поведения Австрии, с которым сталкивались и ранее. Австрия уже хорошо «отрепетировала» свою роль в 1909 и 1913 гг.

Однако, если верить мемуарам С.Д. Сазонова, международные отношения ухудшились внезапно: «После первого впечатления ужаса положение, произведенное этим преступлением как в Австро-Венгрии, так и во всём свете, начало понемногу улегаться, как вдруг из Вены стали доходить известия о том, что австрийское правительство склонно видеть в сараевском убийстве результаты политического заговора, нити которого восходят к Белграду» [7, с. 180].

«Новое время» с восторгом излагает суть сербского национализма: «Где бы ни жили сербы, они везде исповедуют идею грядущего объединения. Великосербская идея есть душа сербского народа. Она настолько сильна, здорова и живуча, что к ней начинают примыкать хорваты. Эти меры могут вызвать революцию в Боснии и Герцеговине, нежели вынудить сербов отказаться от того, что составляет всю душу, упования и надежды народа» [6, 7 июля].

Мнение вполне показательное для правых: во-первых, это акцент на разделённости сербского народа и его «душевном» устремлении к единству. Во-вторых, рассмотрение великосербского движения как закономерного, жизнеспособного и справедливого.

Независимые либеральные издания, оценивая причины сараевской трагедии, больше внимания обратили не на моральные аспекты, а на внутреннюю политику Австро-Венгрии и возможные последствия: «Ни белградское правительство, ни население Сербии не могут отвечать за промахи австрийской полиции и за преступления австрийских подданных» [8, 17 июня]. «Русское слово» занимает позицию критика «национальной» политики двуединой монархии, которая сама создаёт свои проблемы: «Не безумный случай эта катастрофа, а вопиющий результат австрийской «национальной» политики. В самом деле, какую «школу» должен был пройти этот отчаянный юноша, прежде чем решиться на такое дело? ..гимназист... Принцип знаменует собой зрелый плод, упавший с дерева австрийского национализма» [8, 18 июня].

Отношение к сербской великодержавной политике сдержанное или даже лояльное. Однако в позиции издания не прослеживаются «ура-патриотические» оценки ни по отношению к Сербии, ни по отношению к российским обязательствам перед ней. «Русское слово» старается не выходить за рамки анализа региональных проблем и не взвинчивать общественное мнение России, оставаясь наблюдателем над схваткой.

Сущность конфликта Австрии и Сербии улавливается в публикациях «Биржевых ведомостей» очень чётко: «Великосербская идея – вот опасность, которую делали ответственной за каждое поражение в области политики в двуединой монархии. Но пора отказаться намекать или открыто указывать на Белград как на источник антиавстрийских замыслов, прибегать к компрометирующим приёмам – особенно теперь, когда соседняя с Австрией балканская страна значительно выросла и призвана играть видную политическую роль» [9, 18 июня].

«Утро России», озвучивавшее позицию прогрессистов, отразило перспективы политического развития региона в статье «Южное славянство и Россия»: «Объединение южных славян, даже без Болгарии, даёт славянству большую политическую мощь. Не в интересах России в настоящий момент была гибель Австро-Венгрии. Содействовать культурному объединению южного славянства, создать в нём оплот своего влияния в монархии Габсбургов – это такая задача, которая достойна славянской России» [10, 4 июля].

А сущность предстоящего конфликта оценивалась следующим образом: «Для австрийцев эта война будет политическим предприятием азартных игроков на престиж, для сербов – по-

следняя решающая борьба за освобождение, за создание будущей Великой Сербии» [10, 4 июля].

Кадетские издания серьезно подошли к анализу разворачивающихся событий, выстроив обоснованную и очень самостоятельную позицию. Убийство Франца-Фердинанда подавалось не как отдельная трагедия, а как закономерный факт из истории соперничества двух великодержавных концепций: «Тот фанатизм, который вооружил руку убийцы, есть фанатизм особого рода – фанатизм национальной вражды, который в лице Франца-Фердинанда желал устранить не столько тирана и притеснителя, сколько опасного противника, стоящего между пламенными мечтами о национальном величии и возможностью их осуществления. Эрцгерцог Франц-Фердинанд воплощал в себе старые великодержавные тенденции Австрии, стоящие преградой на пути юных великодержавных стремлений Сербии» [11, 16 июня].

В кадетских комментариях вырисовывается достаточно жесткий образ Сербии, с яркой, идеологически насыщенной национальной политикой. Общая оценка ситуации и потенциальные угрозы для России, по мнению «Речи», не столь серьезны: «Балканские тревоги нарастают, тучи клубятся над Балканами, как-то естественно складываются в грозный призрак европейской войны. Это уже было не раз, и глаз привык видеть очертания этого призрака в облачных скоплениях, раз они собираются над Балканами. Вот почему и нынешним тревогам, может быть, не следует придавать особенно серьезного значения» [11, 1 июля].

В русском общественном мнении можно выделить две позиции относительно конфликта. Правая позиция основывалась на активной поддержке сербских великодержавных догматов, но с параллельными заявлениями о непричастности Сербии к самому покушению. Характерной чертой сторонников данной интерпретации событий была полемика с австро-немецкими изданиями и упор на панславянскую идею. Либеральная позиция – это акцентировка на обыденности великодержавного конфликта, в котором у австрийской стороны больше издержек, чем у сербов. Сами сербские устремления хоть и считались «жизненными» для сербского народа, но в общеевропейской палитре расценивались как «частные и второстепенные». Сербские претензии на Боснию и Герцеговину в разрезе региональной ситуации более всего походили на французское желание вернуть Эльзас и Лотарингию (вполне законное, но очень проблематичное) [10, 11 июля].

Ведущей тенденцией в русских оценках, до предъявления австрийского ультиматума, являлось стремление к «локализации» конфликта. Дело представлялось сугубо балканским, и даже на региональном уровне не заслуживающим вооруженного столкновения. Однако по мере увеличения австрийского давления на Сербию и «нервности» венской печати в России нарастали просербские настроения, фактор внешнего прессинга на сербов для русского мнения становился решающим.

Австрийский ультиматум, предъявленный Сербии 10 июля по старому стилю, ознаменовал начало нового этапа в развитии июльского кризиса. Именно ультиматум стал отличать положение лета 1914 г. от австро-сербского конфликта 1913 г. Обстановка вокруг австро-сербского конфликта приобретала свойство скачывания в реальную войну, масштабы которой могли оказаться значительными.

Сущность ультиматума на взгляд С.Д. Сазонова была однозначна: «Достаточно заметить, что требования, как те, что в нём (ультиматуме – С.В.) заключались, ещё никогда не предъявлялись ни к одной европейской державе и что принятие их Сербией в полном объёме равнялось бы добровольному отречению от национальной независимости» [7, с. 182].

«Новое время» в анализе ультиматума обращало значительное внимание на сущность великосербской программы: «Первый пункт ноты требует, чтобы белградское правительство осудило пропаганду, направленную против Австро-Венгрии, под этим словом подразумевается вся совокупность так называемых велико-сербских тенденций. Это есть сознание расового и культурного единства сербских племён – в чём и состоит вся сущность великосербских устремлений» [6, 12 июля].

Снисходительное отношение к великосербской «поэтической мечте», уменьшение реальной политической составляющей идеи и акцентуация на культурных аспектах становится основой для правых изданий. «Новое время» стремится закрепить положительный и бесконфликтный образ великосербской идеи [6, 15 июля].

С другой стороны, великосербская идея сопоставлялась с реалиями, существовавшими в двуединой монархии: «Сербия – самая слабая из соседей Австрии и наиболее обобранная последней – но по совести говоря, она ли виновата, что по пословице «на воре шапка горит» и что сербские провинции Австро-Венгрии слишком уж похожи на сербское национальное достояние, а не на австрийское?» [6, 15 июля].

Правые сразу определили, что ответ Австро-Венгрии придётся давать не Белграду, а Петербургу: «Русское правительство ясно осознает, что австрийский ультиматум Сербии направлен собственно против России. И Россия ответит на него не только словами, но и должными действиями» [6, 12 июля]. По окончании срока ультиматума вопрос стоял об участии в войне России, а не о том, на что согласна Сербия [6, 13 июля].

«Русский инвалид» нашел наиболее яркую формулу для описания позиции правых, подчёркивая «невозможность для России иного выхода из положения, как властное обеспечение авторитета своей великой воли и защиты существования и авторитета Сербии» [12, 18 июля].

Словами Сазонова можно выразить и отношение к сербской внешнеполитической деятельности в период июльского кризиса, сложившееся в правом лагере: «Сербия сделала не только всё, что мы от неё ожидали, но пошла гораздо дальше в этом направлении, чем мы могли надеяться» [7, с. 222].

«Русское слово» причиной австрийского нажима считало не сараевское преступление, а недавние сербские успехи в первой балканской войне. Комментируя требования, предъявленные Сербии, издание расширяет толкование великосербской идеи, сопоставляя её с большинством национально-территориальных проблем Австро-Венгрии: украинским мазепинством, итальянской ирредентой, пангерманским движением [8, 12 июля].

Изменение позиции «Биржевых ведомостей» – от категорических заявлений о неучастии России в балканской войне к утверждению о всемерной поддержке Сербии – стало возможным только благодаря действиям Австрии [9, 18 июля].

Линия, проводимая «Утром России», постепенно смещалась от оценки регионального конфликта к мнению о глобальном противостоянии: «Не за горами 1916 год. Когда на иной, более мирной, но не менее серьезной для интересов России арене нам придётся сражаться с немцами за новый, более для нас выгодный и достойный торговый договор. На Сербии немцы испытывают нашу стойкость. Стоит нам уступить здесь, как Германия совсем иначе заговорит с нами через два года» [10, 15 июля].

В большинстве либеральных, некадетских публикаций заметно некоторое колебание относительно методов поддержки Сербии. В конечном итоге вопрос о «локализации» австро-сербского конфликта отклоняется, но не в силу изменения отношения к Сербии и последствиям

её великодержавной политики и пропаганды, а из-за позиции, занятой Австро-Венгрией и Германией.

Среди левых патриотическому подъёму менее всего поддались кадеты. Они стремились обозначить опасность, вытекающую из однозначной поддержки Сербии [13, 13 июля]. П.Н. Милюков вполне обоснованно оправдывал курс на «локализацию»: «После всех балканских событий предшествующих годов было поздно говорить о моральных обязанностях России по отношению к славянству, вставшему на свои собственные ноги. Надо было руководиться только русскими интересами, – а они, как было понятно в 1913 году, расходились с интересами балканцев... Нет, чего бы это ни стоило Сербии, – я был за «локализацию» [14, с. 475].

«Речь» стремилась смягчить общий вид кризиса, подчёркивая сговорчивость Сербии и возможность успешного разрешения конфликта: «Читаем сербский ответ, и с удивлением видим, что требование исполнено! Сербия прошла под ярмом» [11, 15 июля]. Подобной тенденцией в оценке событий кадетское издание обязано П.Н. Милюкову: «Этими неделями я мог воспользоваться, чтобы повести свою кампанию против войны – или против русского участия в войне – в своей газете «Речь» [14, с. 476].

Несмотря на серьезный патриотический подъём, кадетскую точку зрения в России вполне разделяли: «Сегодня (5 августа. – С.В.) в «Речи» прекрасная статья, противопоставляющая патриотизм национализму. Добавлю к этому, что «игра в славян» – очень опасная затея. Защищая благородно, но утопически положение Балканской Сербии и играя всё время на чувствах славянства, мы можем стать в весьма скверное положение. Не говоря о том, что защита балканских государств – мысль неблагодарная. В какое же станем мы, защитники Балкан, положение, если нам объявят войну Румыния или Болгария? Как мы объясним солдату, который воодушевлён идеей о защите единоверцев, эту братоубийственную бойню? Думаю, что пора прекратить эту опасную игру» [15, с. 34–35].

Среди отечественных журналов наиболее подробно проанализировал новый виток балканского кризиса «Вестник Европы» [16, № 6, с. 386]. Однако по мере усугубления кризиса «Вестник Европы» однозначно встаёт на сербскую сторону: «В действительности от Сербии требовалось уничтожение чувства национального единства сербской народности, искоренения великосербской идеи. Требовалось именно уничтожение, а не официальное отречение. До-

пустить локализацию войны – значило, на простом человеческом языке, предоставить Австро-Венгрии раздавить Сербию, уничтожить её самостоятельное существование и превратить в вассальное австрийское владение» [16, № 6, с. 399–401].

Таким образом, среди большинства русских оценок можно выделить тенденцию критики австрийской политики, как внутренней, так и внешней. Авторы статей формировали мнение, что Австрия стремится заставить сербов заплатить за свои ошибки. Поэтому чувство несправедливости австрийцев получило широкое распространение в русских либеральных кругах, не говоря о правом течении. На момент июля 1914 г. можно говорить о солидарном мнении в России относительно невиновности Королевства Сербия в предъявленных ему преступлениях со стороны австрийцев.

Разногласия возникли только вокруг вопроса «локализации» – методов, которыми Россия должна поддержать Сербию. Кадетская позиция не была полностью принята в обществе, скорее всего в силу патриотического подъёма и быстроты объявления войны Германией, вследствие чего поддержка Сербии в тот момент стала политически выгодной, что и обусловило её широкое распространение.

Ведущим суждением, многократно повторявшимся в России, стала уверенность в национальной необходимости существования великодержавной идеи для сербов. Главной особенностью, повлиявшей на развитие русского общественного мнения, стал факт австро-сербского конфликта, в котором не принимали участие

Болгария и Греция. В России симпатизировали сербской «национальной идее», потому что она соперничала с Габсбургской монархией, а не с болгарским народом. При таком положении дел панславянские лозунги звучали убедительней, чем в 1913 году, поэтому и оценки внешней политики Королевства Сербия были гораздо положительнее, нежели во время межсоюзнического конфликта.

Список литературы

1. За балканскими фронтами Первой мировой войны. М.: Индрик, 2002. 504 с.
2. Ливен Д. Российская империя и её враги с XVI века до наших дней. М.: Европа, 2007. 688 с.
3. Пайпс Р. Русская революция: В 3-х кн. Кн. 1. Агония старого режима. 1905–1917. М.: Захаров, 2005. 480 с.
4. Гайда Ф.А. Либеральная оппозиция на путях к власти (1914 – весна 1917 г.). М.: РОССПЭН, 2003. 432 с.
5. Степанов С.А. Чёрная сотня в России 1905–1914 гг. М.: Изд-во ВЗПИ, 1992. 329 с.
6. Новое время. 1914 г.
7. Сазонов С.Д. Воспоминания. М.: Международные отношения, 1991. 398 с.
8. Русское слово. 1914 г.
9. Биржевые ведомости. 1914 г.
10. Утро России. 1914 г.
11. Речь. 1914 г.
12. Русский инвалид. 1914 г.
13. Русские ведомости. 1914 г.
14. Милюков П.Н. Воспоминания. М.: Вагриус, 2001. 637 с.
15. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. СПб.: Нева, Летний Сад, 2001. 320 с.
16. Вестник Европы. 1914 г.

THE CONFLICT BETWEEN AUSTRIA AND SERBIA AND RUSSIAN PUBLIC OPINION DURING THE PERIOD OF THE JULY CRISIS OF 1914 (BASED ON THE MATERIALS OF THE RUSSIAN PRESS)

S.V. Vaganov

The author investigates two positions of Russian public opinion concerning the conflict between Austria and Serbia in summer 1914, and the development of the July crisis. The Sarajevo incident and the Austrian ultimatum to Serbia have made the Russian public opinion swing to the Serbian side.

Keywords: Serbia, July crisis, Sarajevo incident, Russian public opinion, «Greater Serbia» dogma, conflict between Austria and Serbia.